

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут
Все оттенки желаний
Привилегия женщин
Никого не жаль
Игра в кубики
Синдром бесконечной радости
Мертвые хризантемы

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит
Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел
Не верь, не бойся, отпусти
Соблазны Снежной королевы
Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха
Дочь мафии
Жена самурая
Последнее японское предупреждение
Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне
Нежная стерва, или Исход великой любви
Первая леди города, или Между двух берегов
Госпожа страсти, или В аду развод не принят
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце
Королева мести, или Уйти навсегда
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие
Визит с того света, или Деньги решают не все
Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров
Охота на мстителя, или Дамы убирают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии
Марго, или Люблю-ненавижу
Алекс, или Девушки любят негодяев
Дар великой любви, или Я не умею прощать
Финальный танец, или Позови меня с собой

Сериал «Сердце следователя»


Тайны взрослых девочек
Требуется влюбленное сердце
Время злых чудес

Сериал «Клиника раненых душ»

Силиконовая надежда
Пластика души
Хирургия мести
Реанимация судьбы
Терапия памяти

Сериал «Переменная облачность. И о любви»

Ее внутреннее эхо
Ретроградный Меркурий



МАРИША
КРАМЕР

ТАНГО
ПОД ПРИЦЕЛОМ

Москва



2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Редактор серии *А. Самофалова*

Оформление серии *К. Гусарева*

Крамер, Марина.

К77 Танго под прицелом : сборник / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-160817-0

Новый сборник рассказов Марины Крамер «Танго под прицелом» повествует о непростых, порой мистических отношениях танцовщицы Мэри, пиарщицы Марго... и Призрака Алекса. Так девушки звали бывшего мужа Марго, мутного и странного типа — из тех, о которых говорят «девушки любят негодяев». Он стал для них ангелом-хранителем, много раз спасавшим их от гибели, вытаскивавшим из таких передряг, из каких, казалось, не было выхода. Губительные отношения этой троицы проходят через все рассказы, их объединяет намного более личное, чем просто любовь, — это всеобъемлющее чувство, неподвластное расстоянию, времени и рассудку..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160817-0

© Крамер М., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022



ТАНГО
В ДОЖДЛИВОМ
ГОРОДЕ



— Я отлично знаю, как выглядит его жена.
— И нам это зачем?
— А ты не понимаешь, да? Всегда хорошо иметь небольшую страховку от разных непредвиденных ситуаций.

— А кто сказал, что он с собой ее привезет?

— Ты когда по городу ходишь, на афиши внимания не обращаешь, нет? А там написано — «Международный турнир по спортивным бальным танцам».

— И нам с этого что?

— Вот я туда и съезжу, на красоту полюбуюсь. Или проще даже — по городу погуляю, а там, глядишь, и повезет мне.

— А дело как же?

— А это и будет частью нашего дела. Не понял?

— Нет.

— Ну и не надо. Сам все сделаю.

Я всегда любила перелеты — не важно куда. Привычная к поездкам и кочевой жизни с раннего детства

ва, я до сих пор не избавилась от предпоездочного волнения, связанного со сбором чемодана, проверкой костюмов и кейса с косметикой. Не забыть туфли, положить стартовые книжки, взять щетку для подошвы, положить два больших флакона лака для волос — так сказать, себе и тому парню. Бальные танцы с детства приучают планировать, жить в режиме и графике, придерживаться — не важно чего — диеты, правил, традиций. Я живу этим с детства, люблю это и готова жить так всю жизнь.

Меня зовут Маша Лащенко, но никто с самого детства не зовет меня так — только Мария. Я занимаюсь спортивными бальными танцами, имею определенный (довольно высокий, скажу без ложной скромности) уровень и вхожу вместе с партнером в четырнадцать лучших пар страны. И в тройку — в своем регионе. Всего этого мы с Иваном добились сами, без каких-то спонсоров, «лохматых лап», богатых родственников и прочего. Нет — мы с детства пашем как кони, пусть это и некрасивое выражение. Мы проводим на паркете по восемь-двенадцать часов, из зала буквально выползаем, волоча за собой сумки с мокрыми от пота тренировочными комплектами. Мы заслужили свои медали, что висят у нас в квартирах на стенке.

С каких пор все пошло наперекосяк? Если задать этот вопрос нам обоим, мы, даже сидя в разных комнатах, уверенно ответим — с того момента, как я вышла замуж. Наверное, ошибку страшнее я никогда уже не сумею совершить, да и эту не исправлю, даже если раз-

ведусь. Развода мне никто не даст, а вот сломать жизнь, карьеру и угробить здоровье могут с легкостью. Мой муж Костя... Нет, не хочу об этом, хочу о том, куда мы летим на этот раз.

Иван, кстати, отнесся с пониманием к моему замужеству, даже попытался выгоду извлечь:

— Ну хоть бы охрану какую дал тебе, твой кофр бы самому таскать не приходилось.

Кофр с четырьмя платьями весит достаточно, чтобы от его тяжести болело плечо даже у тренированного Ивана, так что его мечты были вполне оправданными.

Итак, пять двадцать утра, аэропорт сибирского города, мы в очереди на регистрацию. Вылет через полтора часа, на табло светится задержка рейса. Прекрасно...

— В Санкт-Петербурге сильный дождь, — объясняет девушка на стойке регистрации. — Пулково пока не принимает.

— Но мы сегодня точно улетим? — интересуется Иван, шлепая на стойку наши паспорта.

— Улетите. Вопрос только в том, во сколько, — улыбается девушка, заметно покраснев, — мой партнер — красавчик с темными волнистыми волосами, ухоженный и пижонистый — умеет обольстить с ходу любую.

— Печаль-печаль, — вздыхает Иван, забирая паспорта и посадочные талоны.

Кофры мы, поколебавшись, сдаем в багаж — Иван даже не поленился и обмотал их полиэтиленом, удивив меня заботливостью.

Коротаем время в кафе. Иван дремлет, откинувшись на спинку кресла и сложив на груди руки, а я строчу сообщения Марго — единственной моей подруге, живущей в Москве.

«Хочешь, я приеду?» — спрашивает она, едва узнав, что мы танцуем в Питере.

Это такой соблазн... мы давно не виделись, кажется, около трех месяцев, я безумно соскучилась. Конечно, я могу написать — «да, приезжай», — и она примчится первым же поездом, но мы все равно не сможем даже поговорить по душам, у нас довольно плотное расписание. Но можно и рискнуть...

«Приезжай», — быстро набрала я и нажала «отправить», пока не передумала. Марго хватит времени, чтобы купить билеты и завтра утром появиться в Питере. Мы всегда останавливались в одной и той же недорогой гостинице совсем рядом с вокзалом, и она об этом знала, так что номер наверняка там и забронирует. Турнир для нас начнется только в субботу, сегодня еще четверг, так что лично у меня будет почти двое суток, чтобы вдоволь нагуляться по Питеру, пусть даже там дождь. Конец мая, уже тепло, а дождь... ну что такое дождь — вода с неба? Переживу.

Иван натянул на лицо капюшон спортивной кофты и откровенно захрапел, а я решила размять затекшие ноги и встала.

— Куда? — мгновенно отреагировал партнер, хотя секунду назад, казалось, крепко спал.

— В туалет! Со мной хочешь?

— Ладно, иди.

— Ой, спасибо, благодетель! — съязвила я, направляясь к лестнице, ведущей в полуподвальный этаж, где находились туалеты и даже была оборудована курилка.

Меня не покидало какое-то странное предчувствие неприятностей, даже сигарета не смогла отвлечь от этого. Я не очень хотела лететь на этот турнир — ныла травмированная не так давно спина, программа еще не совсем обкатана, мы только недавно изменили все вариации в танцах. Но Ванька был неумолим — едем, и все тут.

— Зря, что ли, столько денег в костюмы вбухали?

Это было последним аргументом, и я сдалась. Собственно, пошив костюмов с некоторых пор стал для меня делом приятным — занималась этим в основном Марго: рисовала эскизы, подбирала ткани. Мне оставалось прилететь в Москву и сходить с ней пару раз в ателье для заказа и примерок, а потом Марго просто высылала мне готовый костюм при помощи службы доставки. Обладавшая тонким вкусом Марго выстроила мой имидж так, что на паркете меня было видно сразу, в любой толпе, при любом количестве пар. Мы обрели индивидуальность, стиль, дополнив имевшийся у нас собственный танцевальный почерк, и это в целом пошло нашей паре только на пользу.

Поднявшись из полуподвала снова в накопитель, я решила немного побродить и размять ноги — сидеть придется еще очень долго, это не слишком полезно для

мышц. И первым, кого я увидела, завернув зачем-то в небольшой отделечик, где торговали нашими местными сувенирами, оказался мой супруг Константин Айвазович Кавалерьянц. Он стоял в окружении троих своих подручных и выбирал какую-то ерунду. Обернувшись на стук каблуков — ну а как же, по-прежнему не может пропустить ни одной юбки! — Костя увидел меня и широко улыбнулся:

— Не ожидала, дорогая?

— Не ожидала. И куда это ты такой нарядный?

Костя по-хозяйски обнял меня за плечи, демонстративно поцеловал в губы и хмыкнул:

— По делам, по делам.

Спрашивать, по каким именно, я не стала — во-первых, догадалась, во-вторых, это в нашей семье не заведено. Такова жизнь карточного шулера — даже с собственной женой лучше не откровенничать. Поэтому я только спросила:

— И куда на этот раз?

— Не поверишь — нам по дороге, — наклонившись к моему уху, прошептал Костя. — Но тебе лучше держаться от меня подальше, когда приземлимся.

Ну что тут непонятного — Костя едет играть, явно задумал очередную аферу, и я могу только все усложнить, могу стать приманкой, а то и оказаться заложницей, и это, разумеется, никому не нужно.

— Даже не скажешь, где остановился?

— Нет, Мария, не скажу. Занимайся своим делом, танцуй. Увидимся дома.

— Ты только слишком не напивайся, — посоветовала я, хотя и знала, что это бесполезно — Костя панически боялся летать и вынести дорогу мог только в состоянии опьянения.

— Рад бы, да ведь знаешь — не могу, — почти виновато пробормотал он, целуя меня в шею. — Не волнуйся, все будет хорошо, я обещаю.

Обещает он... Если бы не эти проклятые карты, моя жизнь с Костей, возможно, могла бы сложиться даже счастливо. Он был заботливым, очень щедрым, исполнял любое мое желание, хоть их было не так и много, любил меня. Но... это постоянное ощущение опасности, сопровождающее меня на улице, дома, в клубе... И даже сейчас, улетаю в другой город на турнир, я вынуждена буду оглядываться, потому что Костя тоже будет в Питере и никто не знает, как сложится его игра и что ему придется поставить на кон в случае проигрыша. Вполне вероятно, что это могу быть и я...

— Все, Мария, иди, мы с этой минуты друг друга не знаем. — Он еще раз поцеловал меня и развернул лицом к выходу из магазинчика.

В отвратительном настроении я вернулась в кафе к дремлющему на стуле Ивану.

— Всегда поражалась твоей способности спать даже стоя, Переверзев, — пнув ножку стула, сказала я.

— Я сплю сидя, — не открывая глаз, буркнул Иван. — Что там с рейсом?

— Пока задержка. Хорошо, что решили за двое суток лететь, можем тут до ночи проболтаться.

— Мария, займись чем-нибудь, а? — попросил партнер. — Ну, книжку там почитай, не знаю... Дай подремать, я сегодня почти не спал.

— Да? И кто же нам мешал?

— Не твое дело.

Тоже верно. Нас с Иваном связывали исключительно партнерские отношения, и влезать в личную жизнь друг друга по обоюдному согласию мы не стремились. У красавца Ваньки было полно поклонниц, и он, разумеется, не отказывал себе в удовольствии.

Вылет разрешили только к обеду, мой партнер успел выспаться и как следует поесть — аппетит у поджарого, но мускулистого Ивана всегда был отменный. Я выпила только кофе, краем глаза заметив, что Костя со своими прошел в соседнее кафе, когда увидел нас за столиком. Хорошо, что он летает бизнес-классом, их в самолет запускают последними, а выпускают первыми, так что Иван гарантированно Костю не увидит.

В самолете я забила к иллюминатору, воткнула в уши плеер и включила танго — это помогало мне отключиться и не слышать ничего, что происходило в салоне. Иван листал какой-то журнал, хмыкал и качал головой, а когда я, заинтересовавшись, попыталась заглянуть ему под руку, то увидела цветную вкладку «Плейбоя».

— Урод, — пробормотала я, ткнув партнера в бок, и он сморщился, выдернул из моего уха наушник и пробурчал:

— Ты чего дерешься? Я свободный человек, имею право.

— Не посмотрелся за карьеру?

— Отстань, Мария. — Вернув на место наушник, Ванька все-таки убрал журнал и, откинув спинку кресла, снова погрузился в сон. Положительный человек, где положат — там и спит.

В Санкт-Петербурге по-прежнему шел дождь, но не такой, чтобы помешать посадке, и я до самого приземления рассматривала щупальца шоссе, причудливо оплетающие город со всех сторон, как гигантский осьминог. На меня Питер никогда не нагонял тоску, как принято считать, — наоборот, здесь я чувствовала себя спокойной, уверенной, даже дышала как-то свободнее. Мы с Марго пару раз приезжали сюда, много гуляли, она водила меня в музеи, в которых сама бывала по нескольку раз еще в детстве. Когда мы прилетали на турниры с Иваном, то времени на красоты города практически не оставалось, и только с Марго я смогла в полной мере понять и ощутить всю мощь и все очарование этого места. Хорошо, что в этот раз мы вылетели раньше, если Марго действительно приедет завтра, как планировала, мы сможем весь день бродить по любимым местам, сходим в музей Ахматовой, и Марго будет читать мне вполголоса ее стихи, а я буду слушать, как будто это все впервые.

Беспокоило только присутствие Кости. Как ни крути — он мой муж, и мне совершенно небезразлично, как у него тут все пройдет. И дело даже не в том, что он может проиграть крупную сумму — деньги никогда не

являлись большой проблемой, а в том, что Костя с его характером и замашками может попасть в какую-нибудь историю. Этого мне совсем не хотелось.

Когда от трапа отошел микроавтобус с пассажирами бизнес-класса и нас из эконома тоже пригласили к выходу, Иван крепко взял меня за руку и потянул за собой — всегда так делал, с самого детства, словно брал за меня ответственность.

— Куртку надень, — велел он, едва мы оказались на трапе.

Я послушно натянула куртку, которую несла в руке, и под морозящим дождем потрусила вслед за партнером к автобусу.

— Очень приветливый город, — пробурчал Иван, когда мы уже оказались в здании аэропорта.

— Ой, перестань! Ты всегда чем-то недоволен. Сейчас до гостиницы доберемся, вещи разберем и пойдем куда-нибудь обедать, вот ты и расслабишься. Я же знаю, что еда всегда мирит тебя с любой действительностью.

— Ох и язык у тебя... как с тобой Костя живет?

— Не жалуется, — отрезала я, не особенно довольная упоминанием имени супруга, который сейчас уже наверняка с комфортом катит к лучшей в городе гостинице в присланной за ним машине. Интересно, где и с кем у него игра?

За то время, что я живу с ним, уже стала немного разбираться в этих премудростях и умела по настроению мужа определить, важный ли клиент будет у него

в партнерах или так, «лох непуганый», как он сам определял игроков уровнем пониже.

В этот раз Костя заметно нервничал, и мое присутствие в Питере тоже не добавляло ему спокойствия. Но выбор места от него, конечно, не зависел, иначе Костя ни за что не полетел бы сюда, зная, что в это время и я окажусь тут же. Но все сложилось так, как сложилось. Теперь главное — друг другу не помешать.

Отдохнув в гостинице пару часов, приняв душ и переодевшись, мы с Иваном отправились на прогулку. После обеда вышло солнце — не такое яркое, как хотелось бы в мае, но и этого было вполне достаточно, чтобы город засветился и стал по-настоящему весенним.

Настроение у Ивана поднялось, мы шли по Невскому проспекту в сторону Дворцовой площади и обсуждали предстоящий турнир. На Фонтанке Ванька неожиданно свернул вниз и потянул меня к пришвартованным прогулочным катерам:

— Давай прокатимся?

— Может, тогда в Петергоф лучше? — предложила я. — Там уже фонтаны включили, поедем, а? Дойдем сейчас до Дворцовой, оттуда есть возможность доплыть.

— Далекое... Давай, может, сегодня в Петропавловку? А завтра можем и в Петергоф.

— Все равно на Дворцовую идти.

Мы вернулись на Невский и дошли до нужного нам места. Кораблик оказался маленький, его все время качало, и я то и дело хватала Ваньку за руку, а он веселился:

— Ты же плаваешь вроде.

— С ума сошел, да? Если я окажусь в воде внезапно, то забуду, какой частью тела вообще надо шевелить.

В общем, мне прогулка по воде до Петропавловской крепости никакого удовольствия не принесла, и я с облегчением ступила на твердую почву на пристани у крепости.

— Ну что — экскурсия? Или сами побродим? — спросила я, и Иван поморщился:

— Ненавижу экскурсии. Давай сами, тут где сильно ходить-то? И подписано же все.

И мы устремились в крепость. У меня, правда, возникло крайне неприятное ощущение, словно за мной кто-то наблюдает, но, обернувшись, я никого подозрительного не заметила и решила, что слишком серьезно восприняла слова Кости. Но ощущение так и не проходило.

— Что ты головой все время крутишь? — спросил Иван, и я натянуто улыбнулась:

— Привычка.

— Да? И давно у тебя такая странная привычка?

— Отвянь, Переверзев. — Я вырвала руку из его ладони и пошла вперед, не желая объяснять, что, когда ты живешь с карточным шулером, тебе волей-неволей приходится оглядываться по сторонам и в каждом встречном подозревать что-то нехорошее. Такова плата за легко приходящие большие деньги.

Мы гуляли по крепости, дошли до «Двенадцати стульев», и вдруг Ванька, как охотничий пес, сделал стойку

и резким жестом повернул меня так, что я оказалась перед ним и машинально подняла руки, становясь в пару.

— Иии... раз! — Иван легко толкнул меня корпусом назад, и мы заскользили по брусчатке в танго.

Музыка раздавалась совсем рядом, мы легко вошли в ритм и танцевали, довольно быстро собрав вокруг себя толпу зрителей. Внезапно пошел дождь, но мы так и не остановились, пока не закончилась музыка. Ванька прижал меня к себе, погладил по намокшим волосам и улыбнулся:

— Ты не представляешь, какая сейчас красивая, Мария.

— Руки убери, — негромко посоветовала я, чувствуя, как его ладони подрагивают на моей спине, осторожно двигаясь по мокрой майке вниз.

— А если не убери? — так же негромко спросил он.

— Тогда я подниму колено, — пообещала я, и Ванька, опустив глаза вниз, понял, что я имею в виду — моя правая нога все еще была между его, стоявших во второй позиции, и коленом я могла ощутимо огорчить распалившегося вдруг партнера.

Он захохотал, но руки убрал:

— Все, я понял.

— Вот и продвигайся соответственно.

Никогда прежде Переверзев не позволял себе ничего подобного, хотя видел меня в разных видах, состояниях и даже спал в одной кровати. Мы были как брат и сестра и никаких намеков на романтику себе не позволяли, потому что обоим это казалось кощунством.

— Ну что, надо куда-то прятаться? — предложил Иван, потому что дождь снова разошелся.

— Надо.

Мы побежали по направлению к тюрьме Трубецкого бастиона — самое ближайшее место, до которого мы уже добрались, хотя Ванька и сказал на бегу, что я выбрала его специально, чтобы еще раз запугать несчастного мальчика:

— Мало мне твоего супруга и его обезьян, так ты еще и сама успеваешь!

— Прекрати!

Но оказалось, что нужно купить билеты, и Иван, оставив меня у входа, побежал к кассам. Я же отошла немного в сторону, чтобы не мешать людям входить и выходить, и едва сделала пару шагов, как в бок мне уперлось что-то, а тихий мужской голос сказал:

— Орать не советую. Тихо и спокойно иди со мной, делай вид, что тебе все нравится, и останешься живой и целой. Ну! — В боку кольнуло, и я поняла, что лучше делать так, как говорят.

Человек крепко обхватил меня за талию свободной рукой и повел в противоположную сторону.

— Вы меня с кем-то перепутали, — пробормотала я, очень надеясь, что это так и есть, но в душе уже понимая, что вряд ли.

— Ты молча иди, а то я нервничаю, — процедил мужик.

Мы добрались до выхода из крепости, там нас встретил какой-то высокий мужчина в сером костюме.

Они окружили меня уже с двух сторон, быстро зачихнули в небольшой прогулочный катер и отчалили от берега.

Я сидела в салоне на диване и озиралась по сторонам. Кроме этих двух, был еще кто-то, управлявший катером. На меня не обращали больше никакого внимания, словно понимали, что отсюда, как с подводной лодки, я уже вряд ли куда-то денусь.

— А телка у Кости и правда ничего, — хмыкнул вдруг тот, что в сером.

— Финн сказал — не трогать.

— Да я ж только посмотрю.

— Сказал — не трогать! — повысил голос тот, что увел меня из крепости. — Остынь, она нам для другого нужна.

Ну, в общем, я так примерно и думала — дело в Косте. Не надо было лететь на этот чертов турнир... И даже позвонить кому-то я не могу — моя сумка перекочевала к похитителям, и телефон они отключили сразу же.

А если Марго приедет? Она перепугается насмерть, когда Ванька расскажет ей, как вернулся к Трубецкому бастиону и не нашел меня там.

Может, у него хватит ума позвонить Косте? Черт — куда он позвонит, у него же нет номера... и о том, что Костя тоже в Питере, Ванька не знает.

Ситуация стала совсем безвыходной, я запаниковала, затряслись руки, но потом я внутренне немного собралась и подумала, что паника — самый непродуктивный

метод решения вопроса. Надо успокоиться и все обдумать.

Если меня умыкнули из-за Кости, то рано или поздно он об этом узнает. А Костя Кавалерьянец не из тех, кто легко расстается с тем, что принадлежит ему. Вопрос в другом — насколько влиятелен его нынешний партнер по игре, потому что от этого зависит очень многое. И вот это мне нужно как-то аккуратно вытянуть у моих, так сказать, охранников.

— Мужики, а попить нет у вас? — хрипло спросила я, и тот, что в сером, обернулся:

— Тебе попить или выпить?

— А есть варианты? — Граммов пятьдесят коньяка мне бы сейчас пригодились, я очень замерзла в мокрой майке.

— Варианты, детка, есть всегда, до тех пор пока ты не в гробу. Коньячку?

— Было бы отлично.

Он встал и прошел к небольшому бару, вынул бутылку и показал мне. Я скривилась — дешевое пойло из супермаркета, я давно отвыкла от такого. Костя прекрасно разбирался в коньяке и меня тоже научил.

— Ого, — оценил второй. — А жена Кости дерьма-то не пьет. Давай, Квас, растрясси мощну у хозяина, налей ей нормального чего.

Квас ухмыльнулся:

— Ну и мы заодно приличного хлебнем, да, кра-савица? — из недр бара появилась другая бутылка — хороший армянский коньяк большого срока выдер-

жки, от него гарантированно не станет дурно, я-то знала.

— Мне немножко, согреться просто, — попросила я, и Квас налил мне в стакан на два пальца, а себе и напарнику — почти по рубчик. Отлично...

Пить коньяк из граненого стакана, конечно, удовольствие так себе, но тут уж не до эстетики, мне нужно, чтобы перестало трясти, а мысли пришли в норму, тогда я смогу что-то придумать. Хотя что тут придумаешь? Пришвартуемся — будет видно, а пока, похоже, катер вышел в залив, не нырять же мне с борта...

— Слушай, а твой приятель к правоохранителям не кинется? — спросил Квас, осушив стакан залпом.

— Понятия не имею.

— Вот это плохо.

— А скажите, мужики, вы чего от мужа моего хотите? — осторожно поинтересовалась я, не надеясь, правда, на честный ответ.

— А муж твой, красавица, немного зарвался. Вот Финн и решил, так сказать, заиметь страховку на случай, если за столом что-то не по его пойдет, — вальяжно развалившись на диване, сказал Квас. — Костя вообще как — любит тебя, а?

— А что?

— А то. Если ты ему очень уж нужна, то он будет вести себя правильно. В противном случае...

Так, вот об этом случае я думать не хотела. Я не знаю, любил ли меня Костя по-настоящему, но то, что отдавать меня кому-то он вряд ли захочет — просто не позво-

лит гордость и самолюбие, — вот в этом я была уверена. Проблема заключалась в другом. Костя очень любит деньги. Настолько, что в какой-то момент, почувствовав, что может потерять осязаемую сумму, он потеряет разум и забудет, кто я ему и для чего. И вот этого мне хотелось меньше всего по разным причинам.

Тем временем катер причалил, и сверху раздался голос:

— Все, мужики, приехали. Машина ждет.

Квас вынул из кармана темный шарф, свернул его в узкую ленту и подошел ко мне:

— Уж извини, но глаза я тебе завяжу на всякий случай. Хотя ты и не местная. Но, сама понимаешь, осторожность не помешает.

Они вывели меня из каюты, довели до сходней, и кто-то из них взял меня на руки. В машине я оказалась тоже между двух тел, плотно зажавших меня с двух сторон. Ехали не очень долго, я, разумеется, вообще не представляла, в какую сторону и откуда, так что даже отдаленно прикинуть, где оказалась, не могла.

Но мне повезло на выходе из машины. Шарф немного сполз, и я буквально на секунду увидела синюю табличку с названием улицы — Лиговский проспект. Заметивший неполадки в технике безопасности, Квас мгновенно вернул шарф на место, но я уже немного успокоилась — этот район мне был знаком, неподалеку находился Московский вокзал и гостиница, где мы с Иваном остановились. Если удастся вывернуться, у меня хотя бы будет ориентир.

Мы вошли в какое-то помещение — судя по гулкому эху шагов, с высокими потолками и почти пустое. Что это может быть? Склад? Ангар? Вроде бы в центре города подобных мест нет. Потом, повернув налево, я вдруг отчетливо услышала звук веника — да-да, обычного банного веника, опускающегося на тело. Баня, что ли? И запах... какой-то специфический запах, почти больничный...

Меня втокнули в какое-то помещение, дверь сразу закрылась, и Квас произнес:

— Можешь снимать.

Я сдернула шарф и огляделась — обычная комната с большим угловым диваном, столом и тремя креслами, в углу — пальма в кадке, окно плотно зашторено ролл-шторой, и плотные портьеры тоже задернуты. На потолке — большая люстра с длинными сосульками из стекла, на полу — мягкий ковер. Господи, где я?

— Ты присаживайся, в ногах-то, сама знаешь... — предложил Квас. — Проголодалась?

Есть я не хотела, а вот в горле пересохло. Квас кому-то позвонил, и через десять минут пришла девушка в униформе горничной, принесла поднос, на котором стояло два пакета сока и две чашки кофе.

— И надолго мы здесь? — поинтересовалась я, забираясь на диван с ногами.

— Как пойдет. Игра завтра.

— А, то есть ночевать мы тут будем?

— Угадала.

— Отличная перспектива.

— Ты б не дергалась, — посоветовал Квас, протягивая мне стакан с соком. — А то у меня нервишки слабые, не могу я с бабой в одном помещении спокойно находиться. А уж если она еще и дерзит... — Он многозначительно посмотрел на меня, и я сочла за благо умолкнуть и не дразнить его.

В тягостном молчании прошло часа три. Никогда не думала, что это так тяжело — находиться в закрытом помещении и вообще не разговаривать.

Квас сломался первым:

— Слушай, подруга, а ты в картишки, часом, не мечешь?

Я подняла правую бровь, давая ему понять всю нелепость вопроса — жена карточного каталы, я уже успела научиться кое-каким трюкам, хотя Костя был категорически против. Но имелся еще и его родной брат Артур, с которым мы и забавлялись иногда. Правда, Арик предупредил, чтобы я никогда, ни при каких условиях не пыталась играть с Костей. Но передо мной сидел какой-то Квас, так почему бы и не скоротать время, чтобы с ума не сойти?

— Так, может, того? Партеечку? — обрадованно предложил он. — На интерес.

— Сразу видно, что ты тут на побегушках, — фыркнула я, спуская ноги с дивана. — Настоящий игрок на интерес не мечет.

— А на что с тобой играть? На фантики?

Пришлось признать его правоту — денег не было, сумка осталась, кажется, на катере.

— Ладно, — вздохнула я. — Давай на интерес.

После пяти партий в «очко» я поняла, что передо мной «лох непуганый», по определению моего супруга. Играть Квас почти не умел, за моими руками не следил, и я, научившись у Арика передергивать и считать карты, довольно быстро убедилась в полной непригодности Кваса к какой бы то ни было игре.

— Н-да, тебе действительно лучше на фантики играть, — насмешливо сказала я и вдруг заметила огорченное выражение на его лице. — Что такое?

— Да говорили мне, что я неспособный... но чтоб баба меня обула...

— Ты не расстраивайся, мы ж не всерьез. А хочешь, я тебя научу кое-чему? — предложила я.

Квас напрягся:

— Чудится мне подвох в твоих словах.

— И какой же?

— Сейчас попросишь что-нибудь.

Я пожала плечами:

— А что мне у тебя просить? Ты ведь меня все равно не выпустишь.

— Верно.

— А давай с другой стороны зайдем. Твой хозяин ведь сообщит Косте, что я у вас, так? Как думаешь, что будет?

— Твой Костя будет аккуратнее руками работать.

— Это вряд ли. Для Кости деньги — бог.

— А ты?

— А что — я? Баб может быть много.

— Ну вот и проверим.

— А если его люди начнут меня искать? Я не позволила ему, а была должна. — Я блефовала как умела, но вдруг увидела, что попала в точку — Квас напрягся.

— И что?

— А ничего. У Кости и здесь есть свои люди, как думаешь, если нас тут обнаружат — что будет с тобой?

— Да кто тебя станет в бассейне на Лиговке искать? — искренне изумился Квас, а я обрадовалась — теперь я вообще отлично знаю, где я и как выбраться отсюда, если повезет из комнаты этой выскользнуть. Осталось придумать, как именно.

— Тоже верно, — смиренно сказала я, перекидывая карты из руки в руку веером. — Тогда нам остается только ждать.

В комнате было очень душно — сказывалось закрытое наглухо окно, и Квас то и дело прикладывался к соку. Я же исподтишка оглядывала комнату, прикидывая, что здесь мне может пригодиться. И я это увидела. Пальма в кадке была настолько кривой, что сзади ее подпирал довольно толстый металлический штырь. Судя по количеству выпитой жидкости, Квасу скоро понадобится выйти, и я должна успеть выдрать эту железку, а там посмотрим. Как повезет.

Так и вышло — часа через полтора Квас поднялся:

— Я до ветра. Не скучай.

— Не буду, — заверила я. Мне тут будет чем заняться в его отсутствие.

Пока он ходил, я с большим трудом вырвала штырь из кадки, встала у двери так, чтобы успеть с размаху ударить Кваса по лицу, и приготовилась к побегу. Лишь бы хватило веса, чтобы нанести удар как можно сильнее, иначе я не отключу его, а только разозлю, и вот тогда о последствиях лучше не думать.

Ничего подобного не ожидавший охранник открыл дверь и вошел, в ту же секунду получив удар по переносице. Он рухнул, не успев вынуть ключ из двери, а я быстро выскользнула в коридор и заперла дверь снаружи. Зажав ключ в кулаке, я, вся перемазанная землей и ржавчиной, кинулась бежать по коридору, даже не понимая, куда бегу. Но мне повезло — по наитию я выбежала в холл и кинулась к входной двери. Ключ я выбросила в урну на крыльце, забежала за угол и отдышалась. Удалось! Теперь надо рвануть в гостиницу, а оттуда позвонить Косте — и наплевать, если он будет взбешен моим звонком.

Гостиница находилась совсем недалеко, я правильно поняла, в какую сторону идти. Пришлось делать это быстро — лил дождь, я вся была в грязи, люди оборачивались.

В гостинице девушка-администратор сочувственно посмотрела на меня, отдавая ключ:

— Промокли?

— Да...

— Вы в следующий раз зонтик берите, в номере ведь есть.

— Спасибо, обязательно, — цокая зубами от холода, проговорила я и пошла к себе.

Но первым делом постучала в соседний номер, где жил Иван, надеясь, что он здесь.

— Да! — раздался раздраженный голос, и я громко сказала:

— Ваня, открой, это я.

Дверь распахнулась, и на пороге возник Переверзев с голым торсом и в шортах:

— Господи, Мария! Ты где была-то?! Я всю крепость обегал, всю охрану там на уши поднял, мы, кажется, каждый кирпич осмотрели! Что за фокусы?!

— Посмотри на меня — похоже, что я где-то развлекалась? — огрызнулась я, входя в номер. — Дай телефон.

— А твой где?

— В гнезде! Ворона утащила! Дай, говорю, мобильный, мне срочно надо!

Растерянный Ванька протянул мне телефон, и я набрала номер Кости.

— Иди в холле посиди, — указав глазами на дверь, велела я партнеру, и тот подчинился, хотя и зыркнул недовольно.

Костя ответил раздраженным голосом:

— Ну, что тебе?

— Мне? Ничего. А вот тебе... имей в виду, твой партнер по игре умыкнул меня и пытался использовать для того, чтобы ты руками не слишком активно работал, — разозлилась я. — Понял?

— Что?! — взревел Костя. — Ты где вообще?!

— Пока в своей гостинице, но, думаю, через какое-то время меня тут уже не будет, а во второй раз я так запросто не выберусь. Кличка Финн тебе что-то говорит?

Судя по всему, говорила, и явно ничего хорошего, потому что Костя сориентировался мгновенно:

— Зайди в номер к своему Ивану и там сиди, сейчас за вами приедут. Из номера ни ногой, придет Тигран. Мария, ты все поняла? — В голосе зазвучали обеспокоенные нотки, и я успокоилась:

— Да, Костя.

— Все, десять минут.

Через десять минут в дверь постучал Тигран. Мы с Иваном уже успели собрать вещи и были готовы к отъезду.

Тигран привез нас в тот же отель, где жил Костя. Ивана поселили на том же этаже, а я оказалась в номере супруга.

Костя в шелковом халате расхаживал по люксу туда-сюда и напоминал взбешенного быка. Когда я вошла, он кинулся ко мне, обнял и тяжело задышал в волосы:

— Видит бог, я его накажу.

— Может, тебе лучше отказаться, Костя?

— Не могу, Мария, — пробормотал он, перебирая мои волосы. — Не могу, понимаешь? От такой игры не отказываются. Мы с тобой и пикнуть не успеем, как нас в этом вот номере и прирежут. А вот тебе надо срочно улетать.

И тут я вспомнила о Марго. Черт, Марго! Если она придет...

Я бросила взгляд на часы — нет, самый ранний поезд отходил только через два часа, и на него Марго точно билеты брать не будет, чтобы не приезжать слишком рано утром.

— Костя, дай мне телефон, — попросила я, упираясь ладонью ему в грудь.

— Зачем?

— Мне срочно нужно позвонить. Срочно, понимаешь?

Он кивнул и дал мне мобильный. Я быстро набрала номер Марго, молясь, чтобы она сняла трубку.

— Марго, Марго, это я, — затараторила я, едва услышав в трубке «алло», чтобы подруга не сбросила звонок с незнакомого номера.

— Да, Мэрик, слушаю.

— О господи, Марго... ты дома?

— Да. Ты представляешь, не смогла купить билеты на сегодня, — огорченно проговорила она, а я с облегчением выдохнула в трубку:

— И не надо! Не надо приезжать, Марго. Не в этот раз.

— Что-то случилось? — сразу напряглась Марго.

— Нет, милая, все в порядке. Но в этот раз мы не увидимся, прости.

— За что, Мэрик? Я все понимаю. Ты мне напиши, как станцуете, хорошо?

— Конечно.

Я сбросила звонок и облегченно выдохнула. Ну хоть Марго не попадет в эту мясорубку, раз уж Ванька неволь-

но попал. Может, нам с ним действительно улететь? Черт с ним, с турниром, — не последний ведь. Хотя мировой рейтинг, судьи с громкими именами...

— Костя...

— Ты с ума сошла? — мгновенно понял все супруг. — Какие танцы?! Если ты по чистой случайности смогла от людей Финна убежать, это не значит, что судьбу за карман поймала! Мне будет не до игры, если я постоянно буду думать о том, где ты и что с тобой.

— Костя, помимо твоей игры есть еще моя работа. Это танцы. Ты знал об этом, когда женился.

Муж негромко хлопнул ладонью по крышке лакированного комода:

— Мария!

— Костя! Игра завтра, а турнир только в субботу, ну дай ты мне хоть стандартную программу отработать! Ты ведь уже будешь свободен!

— Ты не понимаешь, да? — Он схватил меня за плечи и зашипел в лицо: — Если я выиграю, мне могут не дать уйти!

— Так проиграй.

— Спятила, женщина?! Чтобы Костя Кавалерьянц слился за столом?!

— Ты никогда не остановишься, да? — тихо спросила я, глядя прямо в его черные, словно без зрачков, глаза.

— Ты не поймешь... — так же тихо отозвался он, не отводя взгляда.

— И ничего нельзя сделать? Для того чтобы тебе выиграть и уцелеть?

И вдруг он порывисто прижал меня к груди, покрыл поцелуями макушку, поднял меня на руки:

— Мария, ты гений! Ты — гений!

— Что, в чем дело? — недоумевала я, пока Костя бурно, как ребенок, выражал свою радость.

— Да вот то, что тебя Финн умыкнуть пытался, — это и есть наша страховка! Моя и твоя! Сейчас решу, погоди... — Он крепко поцеловал меня в губы, опустил на кровать и вышел так быстро, что полы халата, казалось, захлопали, как крылья.

Я вытянулась на кровати, совершенно ничего не понимая. Как то, что я провела несколько часов в мало-приятной компании, может помочь Косте не рисковать ничем в случае завтрашнего выигрыша?

Все оказалось просто. За каждой игрой такого уровня назначается смотрящий — один из наиболее уважаемых катал, он-то и обеспечивает честную игру, привозит с собой колоды карт, чтобы избежать момента «подлечивания» — нанесения крапа, воска или просто незаметных наколок иглой. Смотрящий же следит за тем, чтобы карточный долг был выплачен, а во время игры не возникало казусов. И Костя решил воспользоваться шансом и еще до игры сообщить смотрящему о том, как соперник пытался оказать на него давление.

— Клёпа аж визжал, — со смехом рассказывал Костя вечером, когда мы с ним вдвоем сидели в ресторане гостиницы. — Думаю, все завтра ровно пройдет, так что станцуете в субботу — и домой.

Ну, уже хоть что-то, потому что партнер мой приуныл, узнав, что, возможно, ни на какой турнир мы с ним не попадем. А теперь хоть европейскую программу станцуем.

— Но тебе завтра придется поехать со мной, — огорошил меня Костя.

— Зачем?

— Во-первых, выйдем Финна из колеи, а во-вторых, Клёпа захочет задать тебе вопросы лично.

Ну, только этого не хватало! Я терпеть не могла Костю за карточным столом — он превращался в совершенно незнакомого мне человека: чужого, холодного, расчетливого и такого жестокого, что это чувствовалось даже на расстоянии. Но спорить с ним сейчас тоже не стоило — не надо накануне игры заставлять его нервничать, это я тоже понимала. В конце концов, от его спокойствия и завтрашнего везения зависела и моя жизнь тоже. В прямом, между прочим, смысле.

Вечернего платья у меня, разумеется, не было, и Костя не нашел ничего более умного, чем вытянуть из кофры мою «латину» — простое черное платье с глухим воротником-стойкой и длинными рукавами. Фокус был в том, что вся спина оставалась открытой, а ткань на свету поблескивала, расшитая серебристыми узелками вручную.

— Ты с ума сошел? — возмутилась я. — А туфли?

— Ну ты же танцуешь в чем-то?

— Костя, я убью подошвы, они же из натуральной кожи! В них не ходят по асфальту!

— Я куплю тебе любые, в какие ты потом ткнешь пальцем, а сейчас прекрати ворчать и одевайся, — отрезал муж.

Но я уперлась — туфли привезли мне из Англии, я в них еще на паркете не стояла толком, чтобы выбрасывать:

— Костя!

— А, черт, женщина! — взревел он, выхватывая из кармана пиджака бумажник. — Пусть твой партнер быстро метнется в торговый центр через дорогу, размер, поди, знает!

Я пошла в номер Ивана и наскоро обрисовала проблему. К счастью, Ванька всегда был понятливым.

Через тридцать минут он вернулся с коробкой, в которой лежали серебристые босоножки на тонкой шпильке. Я уже была одета и покрашена, успела даже завить волнами рыжие волосы, отросшие до плеч. Партнер оглядел меня и довольно хмыкнул:

— Блеск, Мария.

— Иди к себе, — отрезал недовольно Костя, и Иван счел за благо удалиться.

Босоножки сели идеально, я прошла по номеру, и мы поехали.

Игру я практически не видела — стояла или сидела рядом с Артуром и смотрела только в затылок Кости, от которого веяло напряжением. Напротив сидел его соперник — лысый мужик с плечами заправского качка, казалось, рукава рубахи вот-вот лопнут. Лицо его

было сосредоточенным, а глаза — злыми, хотя внешне он казался спокойным. Клёпа, седой морщинистый старичок в потертом пиджаке, сидел в кресле сбоку от карточного стола и, похоже, дремал, но Арик объяснил мне, что старик все видит и слышит даже шелест карт, по которому может определить, как идет игра.

Костя выигрывал партию за партией, Финн мрачнел, то и дело отхлебывал из стакана, который ему передавал стоявший за его спиной молодой парень. Когда финальная партия закончилась и Костя с довольной ухмылкой кивнул Арику, чтобы тот собрал деньги, Финн вдруг приблизился к нам и прошипел Косте на ухо:

— Ты отсюда не выйдешь, ара.

— Посмотрим, — спокойно сказал Костя, крепко сжав мою руку.

— Вы, молодой человек, не кипишуйте, — раздался дребезжащий голос Клёпы. — Вас сейчас мои ребята проводят, — это относилось к Финну. — И не дай вам, юноша, бог накосячить чего. Я понятно объяснил? За давление на соперника в нашей компании по голове не гладят.

— Что? — попытался разыграть удивление Финн, но старый Клёпа, видимо, не таких насквозь видел:

— Юноша, мне не хотелось бы терзать девочку воспоминаниями, но вряд ли ей понравилось, как ваши люди ее на катере по Финскому заливу катали. Неплохо бы извиниться перед барышней. — Сам он при этом учтиво склонился и поцеловал мне руку.

— Не нужно извинений, Клёпа. Жена не сердится. — Костя демонстративно поцеловал меня в щеку и устремил на Финна насмешливый взгляд: — Ну, будете у нас в Сибири...

— А я буду, — вдруг ослабился Финн. — Непременно буду, жди, Костя-джан.

И, круто развернувшись, он вышел из зала, сопровождаемый своей свитой и людьми Клёпы, которые должны были, видимо, проконтролировать, чтобы нас с Костей не ждали.

Вечер мы провели в ресторане вдвоем. Костя почти не пил, все смотрел на меня и расслабленно улыбался.

— А знаешь, даже хорошо, что все так вышло, — сказал он. — Этот город принес мне удачу.

— А то, что я могла без головы остаться, тебя не очень напрягает? — ковыряя вилкой в салате из креветок, поинтересовалась я. — Костя, я серьезно — мне очень страшно.

— Перестань, Мария. За те бабки, что я поднял сегодня, можно немного и понервничать.

И я поняла, что это никогда не изменится. Он ни за что не откажется от игры, никогда не станет прислушиваться к моим словам. Он всегда останется таким, как был сегодня, — жестоким, упертым, везучим Костей Кавалерьянцем. Но вот что будет в момент, когда его везение закончится? Никто не знает...

На турнир Костя поехал с нами. Это было удивительно — обычно он избегал подобных мероприятий. Наш соревновательный день начался довольно поздно — место в рейтинге давало возможность пропустить несколько отборочных туров.

Костя, Арик и пара их подручных сидели за столом у самого паркета, и мы, выйдя на медленный вальс, оказались прямо перед ними. Я никогда не обращала внимания на публику, но сегодня, бросив взгляд на мужа, увидела в его глазах неподдельное восхищение. Не знаю, почему, но это придало мне уверенности и куража. В танго меня было уже не остановить, Иван только головой покачал, сойдя с паркета:

— С ума сошла? Силы побереги.

— Нормально...

Свое третье место мы заняли — а на большее сейчас, в довольно плохой форме, и претендовать не могли. Но самым удивительным было то, что организатор турнира вдруг преподнес мне специальный приз — большую тарелку, на которой оказалась наша с Иваном фотография в танго. Фоном служила... Петропавловская крепость, и, увидев это, я едва не упала с пьедестала, а Иван, поддерживая меня за локоть, шепнул:

— Ну что, дорогая, будет у нас теперь прекрасное напоминание о Питере, да? Лучшего танго я не танцевал с тобой, кажется, ни разу в карьере.

— И поверь — больше не станцуете, я замужем, — шепнула я, и Иван рассмеялся.

За паркетом стоял восхищенный Костя с огромным букетом бордовых роз в руках.

Честно скажу — даже неприятный инцидент с похищением не смог испортить мне впечатления от любимого города. И, глядя на эту тарелку с фотографией, я тоже буду вспоминать то танго под дождем, что мы станцевали с Иваном на брусчатке Петропавловской крепости.



КОД
«КРАСНЫЙ»



Она брела из супермаркета по только что выпавшему снегу, едва не сгибаясь под тяжестью четырех огромных пакетов, набитых продуктами. Муж искренне полагал, что это не его дело — таскать тяжести.

«Ты женщина, ты теперь не работаешь — вот и будь любезна, сделай так, чтобы в холодильнике всегда было свежее молоко, фрукты и овощи, а на плите — горячий ужин».

Марго устало плюхнула пакеты на скамью и потрясла затекшими пальцами. Она соглашалась с доводами Ромы, но почему бы ему тоже хоть иногда не помочь ей? Вот просто не выйти и не встретить хоть иногда с этими авоськами у магазина, благо он расположен через дорогу от их дома? Нет, Рома выше этого, бытовая сторона жизни приводит его в ужас, а всякое столкновение с действительностью в виде текущего крана, отклеившихся обоев или переставшего закрываться замка на двери доводило его до истерического

состояния. Марго решала эти проблемы сама, словно мужа у нее не было.

Вздохнув, она снова взялась было за пакеты, как вдруг сильная мужская рука в черной перчатке подхватила один из них.

Вздрагнув от неожиданности, Марго резко обернулась и замерла. Рядом стоял высокий седой мужчина лет сорока пяти, с суровым выражением серо-стальных глаз и плотно сжатыми тонкими губами.

— Марго, до каких пор вы будете истязать себя подобным образом? Вы записались в клуб любителей та-скать тяжести? — без тени улыбки спросил он.

— Не трогайте меня! — игнорируя вопросы, враждебно отозвалась Марго.

— Это позвольте мне решать. Идемте, помогу донести.

— Не надо! — уперлась Марго, не желая находиться даже рядом с этим человеком.

— Не спорить! — резко отсек мужчина.

— Да хватит, в конце концов! — вспылила она. — Оставьте меня в покое, кто вы вообще такой, чтобы отдавать приказы?

— Молчать! — тихо и страшно сказал мужчина, уставившись прямо в лицо Марго своими стальными глазами. — Ты будешь делать то, что скажу я. Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому.

— Да пошел ты! — взвилась Марго, отскакивая на безопасное расстояние. — Лечи голову, будет меньше проблем!

Она развернулась и, забыв про пакеты, побежала к подъезду, поскальзываясь на раскатанной детьми асфальтовой дорожке. Захлопнув за собой тяжелую входную дверь, она прижалась к ней спиной и перевела дух.

«Черт возьми, вечером Рома голосить начнет по поводу пропавших продуктов и потраченных на них денег», — подумала Марго, досадуя на назойливого кавалера.

Этот странный мужик прицепился к ней еще летом на выставке работ известного немецкого фотографа, куда Марго забрела с подачи одной приятельницы, интересовавшейся фотографией. Странные снимки не произвели на Марго особого впечатления, ей были чужды все эти цепи, веревки, полуголые девушки в масках и накачанные мужчины в черной коже. Подруга же едва не рыдала от восторга, стараясь заставить и Марго разделить это.

— Бред какой-то, — пожала плечами Марго. И вдруг за спиной услышала:

— Так уж и бред. Вы просто ничего не смыслите в телесных наказаниях.

Резко развернувшись, Марго увидела перед собой седого мужчину в черных джинсах и рубашке. Его выправка и манера держаться выдавали бывшего военного, а сухой голос и отрывистые фразы только подтверждали это.

Марго мгновенно прониклась неприязнью, даже не сразу поняв, почему. Мало этого — от мужчины исходила угроза, и это сразу ощутила чуткая на подобные вещи

Марго. Иногда таким бывал Алекс — ее первый муж и самая, пожалуй, сильная любовь в жизни.

Мысли от неприятного незнакомца мгновенно повернули к нему — так и не забытому, не вычеркнутому из жизни и сердца, как бы ни старалась она обмануть себя и убедить в обратном. Даже восемь лет замужества за Ромой не смогли сделать эти воспоминания менее болезненными или острыми. Но куда было спокойному тихому Роме тягаться с красавцем Алексом, имевшим к тому же весьма экзотичный род занятий. Талантливый пианист с безупречным образованием зарабатывал на жизнь, выполняя заказы на убийства. Долгое время он успешно маскировал это от совсем тогда еще молодой Марго при помощи работы в большой фирме, принадлежавшей его отчиму. Выяснила она все случайно, и это открытие едва не стоило ей жизни. Алекс не смог — да и не захотел — убрать непрошеную свидетельницу своей тайной жизни, потому что любил и дорожил ею. Более того — считал себя виновным в том, что однажды в припадке ярости сильно искалечил ее, бросив в девушку канделябр с горящими свечами. С тех пор Марго никогда уже не носила платьев с декольте, вынужденная прятать шрамы от ожогов на груди.

— Как вас зовут? — вернул ее к действительности мужской голос, и Марго потрясла головой, не сразу вернувшись к окружавшей ее действительности.

— Что?

— Я спросил ваше имя.

— Марго.

— Так уж и Марго?

— Ну, пусть Маргарита. Хотя меня давно никто не зовет так.

— А я Виталий. Хотите, я проведу вам небольшую экскурсию по выставке? — спросил он и потянулся к локтю девушки, но она отдернула руку:

— Спасибо, нет. Мне это неинтересно.

— Тогда почему вы здесь?

— Подруга пригласила, она поклонница творчества этого мастера. Вот, кстати, ей можете экскурсию предложить, уверена, что она согласится. — И Марго кивнула в сторону стоявшей вежливо в сторонке Ани.

Однако Виталий, скользнув по хрупкой миниатюрной фигурке Анны взглядом, равнодушно проговорил:

— Нет. Она меня не интересует.

«Хам какой-то», — подумала Марго.

Обычно Анька привлекала к себе мужское внимание именно своей статуэтчностью и миниатюрностью, а уж в сравнении с крупной, полноватой Марго смотрелась просто хрупкой куколкой. Но Виталий, очевидно, предпочитал девушек и женщин типажа Марго.

Ей захотелось как можно скорее уйти отсюда и больше никогда не видеть этого человека, от которого за версту несло опасностью. Она так и сделала, едва только он отвернулся, сделав перед этим Аньке знак, чтобы шла за ней.

На улице подруга возмущенно поинтересовалась:

— Ну и какого фига? Я еще не всю экспозицию осмотрела.

— Если хочешь — вернись, а я домой, — бросила Марго, направляясь к автомобильной стоянке.

Анька, все еще продолжая возмущаться, двинулась следом. Бросив взгляд через плечо, Марго обнаружила, что Виталий тоже вышел из здания выставочного центра и направляется следом за ними. Это в ее планы никак не входило, а потому, крепко схватив Аньку за руку, Марго помчалась к машине, почти рывком затолкала подругу в салон и, сев за руль, рванула к выезду, взметнув вверх тополиный пух, укрывавший асфальт, как сугробами.

— Сдурела совсем?! — возмущенно пискнула напуганная такими действиями подруги Анна.

— Заткнись! — процедила Марго, выезжая на оживленную магистраль. — Везут — сиди молча!

— Ты нормально можешь объяснить? — бесновалась подруга. — Куда ты торопишься, что случилось? За нами погоня?

— Вроде нет, насколько я вижу, — без тени иронии ответила Марго, глянув в зеркало заднего вида. — Надеюсь, что нет.

— Кто это был? Там, на выставке?

— Не знаю.

— Тогда чего ты от этого «не знаю» с такой скоростью удираешь? Подумаешь — мужик подвалил знакомиться! Нормальный, между прочим, мужик!

— Не знаю, насколько он нормальный, но близкое знакомство в мои планы — уж извини — не входит.

— Ну и зря! — беспечно заявила уже успокоившаяся Анька. — Породистый дядя, явно при деньгах.

— Дура ты, — обозлилась вдруг Марго. — От таких надо держаться как можно дальше.

— Вечно ты! Так и будешь со своим Ромкой прозябать.

— Я не прозябаю. Меня все устраивает.

«Господи, кому я вру сейчас — Аньке или себе?» — пронеслось у нее в голове.

Жизнь с Ромой уже давно начала тяготить ее, его правильность и любовь к себе порой доводили Марго до бессильной злобы, но она твердо знала, что вряд ли уйдет от мужа. Отношения давно стали братско-сестринскими, и степень доверия была такова, что Марго могла иной раз позволить себе закрутить легкий, ни к чему не обязывающий романчик на стороне, прекрасно зная, что Рома никуда не денется, не уйдет, будет ждать дома, как верная любимая болонка. Больше всего на свете он боялся потерять тот комфорт, который она ему создавала, даже будучи вечно занятым начальником пиар-службы одного из крупнейших строительных холдингов «Золотая улица». Сейчас, когда все рухнуло, а шеф холдинга угодил в тюрьму после удачно проведенного конкурентами рейдерского захвата, Рома стал единственным кормильцем в их маленькой семье, а потому Марго считала себя обязанной исполнять все его прихоти и потакать всем капризам, вызывая ехидные усмешки лучшей подруги Мэри.

Да, еще в ее жизни совсем недавно появилось явление — лучше и не скажешь — по имени Мэри. Рыжеволосая танцовщица из Сибири Мария Лашенко, или про-

сто Мэри, с которой Марго познакомилась, еще занимая солидный пост в «Золотой улице» и спонсируя один из московских танцевальных клубов. Холдинг был организатором спортивных сборов, куда приглашались и танцоры из других регионов, в том числе и Мэри со своим партнером Иваном, чемпионы России по десятиборью и призеры международных турниров разного уровня.

Именно там, в подмосковном пансионате, во время утренней пробежки Марго и познакомилась с ней, с удивлением обнаружив потом в этой девушке много собственных черт. Внешне они были абсолютно разными — высокая, крупная, зеленоглазая Марго с чуть вьющимися каштановыми волосами и худая, чуть выше среднего роста, голубоглазая язва Мэри. Но внутри у них оказалось столько общего, что иногда обеим казалось, что они разговаривают сами с собой. Между ними сразу натянулась невидимая нить, похожая на общий нерв, заставляющий девушек остро чувствовать друг друга. Слегка флегматичная, спокойная Марго словно уравновешивала нервную, вспыльчивую Мэри. Они проводили вместе много времени, а в поездках на турниры в Москву Мэри даже жила у подруги, ставшей для нее одновременно и стилистом, и визажистом, и даже модельером, создававшим ей эскизы восхитительных танцевальных костюмов. Такая мелочь, как расстояние во многие тысячи километров, не могла помешать их дружбе и привязанности. Но даже искренняя дружеская любовь к Марго не мешала Мэри иной раз довольно жестко проходиться по ее отношениям с Ромой.

— Он у тебя как раскормленный кот — лежит себе на диване, нализирует шерсть и периодически требует свою порцию «Вискаса». Да еще капризничает, если вдруг он не с кроликом, а с курицей, — говорила она, прикуривая очередную сигарету в уютном углу кухни между столом и подоконником, где всегда любила сидеть и пить кофе.

— Много ты понимаешь! — смеялась Марго, подливая только что сваренный напиток в большую чашку с нарисованными крупными клубничинами — еще один любимый предмет подруги. — Мы с ним уже давно больше, чем муж и жена. Мы друзья, а это куда важнее.

— Ну да, — согласно кивала Мэри. — Так бывает, когда обоим уже лет по семьдесят и ничего, кроме дружбы, не осталось в отношениях. Но тебе-то, дорогая, еще и тридцати нет — не рановато ли дружить с мужем, а?

— Циничная ты, — вздыхала Марго, усаживаясь за стол напротив подруги и с нежностью наблюдая за тем, как она пьет кофе и стряхивает пепел с кончика сигареты. — Вот погоди — выйдешь замуж за своего Макса...

— Оставь это, а? — Мэри морщилась, не желая продолжать болезненную тему об отношениях с молодым человеком, с которым жила несколько лет. — Вряд ли из этого что-то вырастет. Ты ведь знаешь — Макс не одобряет моих занятий танцами, не считает их работой, мечтает, чтобы все это бросила и пошла на курсы бухгалтеров. Ну посуди сама — какой из меня, к чертям пороссячим, бухгалтер?

— Может, он еще одумается? — не очень, впрочем, уверенно говорила Марго и тут же сникала под ироничным взглядом Мэри.

— Раньше твой Рома станет энергичным и деятельным спортсменом, начинающим утро с пробежки и зарядки. И хватит об этом, я тебя прошу.

Марго согласно сворачивала разговор, но в следующий приезд Мэри все повторялось.

Сейчас, стоя у дверей квартиры и предчувствуя вечерний скандал по поводу денег и продуктов, Марго подумала, что именно Мэри была необходима ей в эту минуту. Именно Мэри — чтобы отвлечься и не думать о капризном и избалованном муже. А заодно и от мыслей о преследовавшем ее Виталии.

С той самой встречи на выставке он не давал ей прохода, удивив и испугав своей осведомленностью. Впервые Марго увидела его около своего дома через три дня, но заметила раньше, чем он ее, а потому успела нырнуть в небольшую арочку и спуститься в маленькое грузинское кафе, чтобы перевести дух и собраться с мыслями. За чашкой чая она попыталась представить, зачем еще могла понадобиться этому человеку. Не может быть, чтобы вот так, ни с того ни с сего, немолодой уже мужчина вдруг воспылал неземной страстью с первого взгляда к совершенно незнакомой девушке.

Нет, разумеется, Марго допускала, что может понравиться кому-то, да, собственно, такое бывало довольно часто, однако почему-то именно этот человек вызывал у нее подозрения в неискренности и в том, что в его дей-

ствиях есть какой-то второй смысл. Имевшая за спиной небольшой, но все же опыт работы в прокуратуре, Марго почти интуитивно чувствовала опасность. А может, это год жизни с Алексом приучил ее к осторожности и подозрительности. И это однажды едва не стоило ей жизни.

Но что могло понадобиться от нее сейчас этому Виталию? Она сидит без работы... Хотя вот как раз оттуда, из «Золотой улицы», может происходить интерес к ней. Ведь в то время, когда холдинг перешел в другие руки, в тюрьме оказалось все руководство, и даже многие рядовые сотрудники не избежали арестов, а она, Марго, сумела выйти сухой из воды. Ее даже к следователю не вызывали ни разу.

Возможно, этот Виталий как-то связан с теми, кому мешал ее бывший шеф. Или даже с ним самим — как вариант.

Эта мысль испугала Марго не на шутку. Месть бывшего руководителя — не самая приятная вещь, а она, как начальник пиар-отдела и глава одной из «дочерних» фирм холдинга, знала довольно много.

Но как проверить? С Ромой на эту тему не поговоришь — он просто не приспособлен к такой информации, хоть и занимался одно время делами вместе с Марго. Правда, есть еще Алекс...

Алекс! Марго едва не подскочила на тяжелом деревянном стуле от осенившей ее догадки. Ведь и связь с Алексом могла послужить причиной появления около нее Виталия. Достаточно многим насолил в жизни ее

бывший муж, чтобы у кого-то имелись основания желать ему неприятностей. А самый короткий и верный путь к нему — она, Марго. Потому что из всех женщин, что были в его жизни, только она оставалась неизменной, незабываемой и той, к кому он немедленно пришел бы на помощь в случае опасности.

Она вытащила из сумки мобильный и набрала номер, который знала наизусть и никогда не вносила в телефонную книжку, но ответа не последовало — телефон Алекса был отключен.

— Черт тебя подери, — пробормотала Марго, убирая мобильный. — Тоже мне — ангел-хранитель! Когда не нужен — так и вьется вокруг, зато когда надо — не дозвонишься.

Несколько дней все было спокойно, и Марго немного расслабилась, но через какое-то время в почтовом ящике обнаружился конверт, а в нем — фотография Марго с вырезанными дырами вместо глаз.

В ужасе бросив конверт и снимок на пол, Марго забились в истерику, убежала в квартиру и закрылась на все замки. Вернувшийся с работы Рома долго не мог понять, в чем дело и почему на столе нет ужина.

Это был первый случай, когда спокойная Марго кричала на мужа, применяя весь арсенал имевшихся в запасе матерных выражений, чем удивила его до крайней степени.

— Меня кто-то преследует, а ты только и думаешь, что о своем желудке! — почти визжала Марго, в бессильной злобе сжимая кулаки.

— Рита, ты бредишь, — неуверенно бормотал Рома. — Тебе нужно врачу показаться, у тебя рассудок помутился...

— Это у тебя помутилось все, что можно! Тебе плевать, что меня могут убить!

— Да кому ты нужна? Зачем кому-то тебя убивать, ты что — президент, министр, банкир? — недоумевал Рома, неприятно пораженный поведением и словами жены.

— А убивают только их, да?! А если это кто-то, кому перешел дорогу мой бывший шеф?! Ведь все сидят — все, от начальника службы безопасности до рядовых бухгалтеров! А я — вот она, и даже следователи мной не интересовались!

— Прошло больше года, Рита! Кому это все надо? Следствие закончилось!

— Это следствие закончилось! — с нажимом выкрикнула Марго, откидывая со лба волосы. — А там, кроме следствия, явно есть еще заинтересованные люди! Есть кто-то, кому по-прежнему нужна вся информация по холдингу, любая, даже самая на первый взгляд незначительная! Ты что же думаешь, что шеф отдал все, что у него было?! Да ни фиги!

— Рита, Рита, успокойся! — Рома встал с дивана и обнял жену, но та вырвалась:

— Успокоиться?! Ну, отлично! Это все, чем ты мне можешь помочь?!

— А чего ты хочешь от меня?! — не выдержал он.

— Чтобы ты хоть раз вспомнил, что ты мужик и мой муж, пошел и разобрался со всем этим!

— С чем я должен разбираться?! С твоими бреднями?! Единственное, чем я могу тебе помочь, это сводить к хорошему психиатру, чтобы он вытряхнул всю дурь из твоей головы!

— Убирайся отсюда! — завизжала Марго, топая ногами. — Убирайся вон, поезжай к маме, к черту, к дьяволу! Только подальше от меня, понял?!

Рома захлопал большими карими глазами, лицо его пошло красными пятнами, губы затряслись, и он, резко шлепнув по щеке не ожидавшую этого Марго, вышел из комнаты.

Пораженная пощечиной Марго осталась стоять посреди комнаты и стояла так до тех пор, пока за мужем не закрылась входная дверь. Оставшись одна, она ушла в кухню, налила себе чаю и снова расплакалась. То, что Рома, не возражая, ушел из дома, ее не особенно удивило — как только в их жизни начинались проблемы, муж предпочитал быстро спрятать голову в песок, как страус, и сделать это по возможности за спиной Марго. Страшило другое — как теперь быть? Она совсем одна в квартире, адрес ее откуда-то известен Виталию — а она уже не сомневалась в том, что снимок с вырезанными глазами дело его рук, потому что фото свежее, вчерашнее, снятое в момент, когда она выходила из здания Сбербанка на Новокузнецкой улице, где платила за квартиру.

Страх охватывал ее все сильнее, сжимая кольцо ужа са вокруг шеи, и Марго почти физически ощущала его, этот страх.

Ночевала она со включенным светом, подперев дверь на всякий случай тяжелой обувной тумбочкой. Но утром ей пришлось выйти из дома за хлебом.

Ничего не произошло — как не произошло и через день, и через неделю. Рома вернулся, Марго молча впустила его, но в квартире царило напряженное молчание.

В тот день, когда Марго решила, что все закончилось, на стене у квартиры появилась надпись, сделанная чем-то красным: «Не думай, что я отступлю», — и потеки от надписи вниз, как будто кто-то вытер окровавленную пятерню. Возле мусоропровода валялся труп крысы...

В ту ночь Марго трижды вызывала «Скорую помощь» — настолько сильно болело сердце, поднялось давление, и началась жутчайшая мигрень, из-за которой она не могла даже голову оторвать от подушки. Рома благоразумно ушел в спальню, хотя первый раз вызвал врачей сам. Но Марго не нужно было его участие и страдальческий вид, она чувствовала, что жалость муж испытывает больше к себе — ведь ему утром на работу, а он вынужден не спать и суетиться вокруг заболевшей жены.

К утру ей немного полегчало, и Марго побрела в поликлинику, где просидела почти до обеда, потом зашла в аптеку за лекарствами и в магазин за продуктами — и вот теперь стояла перед дверью квартиры, бросив сумки материализовавшемуся Виталию.

Нужно было открывать дверь, входить и думать, что делать дальше. Она со вздохом нажала на кнопку звонка, но за дверью было тихо.

«Странно — должен ведь дома быть», — с раздражением подумала о муже Марго, и тут в кармане пискнул мобильный, сообщив о пришедшем сообщении.

«Не теряй, я поехал на встречу в журнал по поводу сайта», — гласило оно, и только сейчас Марго вспомнила, что Рома утром говорил что-то на эту тему. Скандал по поводу продуктов откладывался на неопределенное время.

Замок не открывался, и это насторожило Марго. Она крутила ключ туда-сюда, но дверь не поддавалась. Только подергав ручку и навалившись плечом, Марго сумела отпереть замок.

Пройдясь по квартире, она не заметила ничего особенного и уже совсем успокоилась, когда, зайдя в ванную, увидела поднятый стульчак и плававший в унитазе окурок коричневой сигареты. Рома такие не курил..

В квартире кто-то был! И этот «кто-то» — Виталий, потому что только у него Марго видела такие сигареты.

Она кинулась звонить в полицию, но там над ней только посмеялись — мол, дамочка, у вас паранойя.

— Кто-то к вам влез, чтобы покурить и в туалет сходить? — глумился мужской голос в телефонной трубке. — Ничего не пропало? Нет? Ну, так вот когда пропадет, тогда и звоните.

Марго пыталась рассказать о фотографии, дохлой крысе и кровавой надписи на стене, которую даже не удалось толком закрасить, однако полицейский не стал слушать, посоветовал меньше читать детективов и смотреть сериалов про маньяков.